

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Служение женщине: Философия власти

Заснеженное белое утро. Через окно чистой одноместной палаты пробивается матовый свет. Антон сидит на кровати и рассказывает кудрявому молодому чернявому доктору свою историю. Он немного заторможен от препаратов, смотрит часто мимо собеседника. Но ему надо выговориться, и он делает это, несмотря на паузы и вздохи.

Это было самым загадочным и захватывающим приключением. Нет, это было взрывом, трансформацией, революцией. Она перевернула мою жизнь. И чуть не прервала ее. Моя жизнь была в ее власти.

Антон познакомился с ней в университетской аудитории. Она читала аспирантам второго года курс по современной западной философии. Никогда не увлекался философией, она всегда казалась ему наукой второго сорта. Приходил сначала ради ее мелодичного голоса и чтобы созерцать ее строгий профиль. Потом втянулся и в предмет. Ближе к зачетам осмелился и попросил об индивидуальных консультациях. Стали оставаться после занятий в пустой аудитории. Ее мелодичный голос приобретал в диалоге интимные нотки, и эхо пустого зала их подчеркивало. Ему нравилось слушать ее, вдыхать ее аромат. И следить за четкой и смелой мыслью.

Анна предложила написать ему реферат по теме служения в средневековой философии. На встречах они погружались в мир Данте, Майстера Экхарта, Песни о Нибелунгах, историю крестовых походов. По теории Анны, средневековый пассионарный подъем в своем сердце нес конкретную либидозную цель. Герой становился героем и совершал подвиги, руководимый служением Прекрасной Даме. Эта метафора лежала в основе всех средневековых императивов, двигавших благородных мужчин на завоевания, интриги и достижения. И на смерть. Именно этот мотив детерминировал подвижничество, уход от активной социальной жизни у одних и отчаянные военные подвиги у других. Чем больше сознание средневекового героя было поработчено образом его Возлюбленной, тем сильнее реализовывался его пассионарный потенциал. Но часто приводил к гибели героя.

Однако осознание этого императива наиболее ярко проявилось в эпоху Возрождения. Поэзия трубадуров, лирика Петрарки, живопись Боттичелли дали внутреннему импульсу объективацию и задали его новую траекторию. Деятельный потенциал стал снижаться, и смерть героя ради прекрасной дамы стала все чаще переживаться символически, а не буквально.

Но сам императив не изменился, говорила Анна. И я верил ей. Не мог не верить, так с каждой нашей встречей сам чувствовал его все сильнее. После нескольких наших семинаров тет-а-тет я был поглощен ее образом. Я ждал этих встреч, как самого главного события жизни. Следовать ей, быть поглощенным ей, быть с ней, потакать всем ее желаниям, только быть рядом. Этот импульс был скрыт, но наши беседы его пробудили и сделали основным и мощным.

Я представлял себя закованным в латы благородным рыцарем, гибнущем на турнире с именем Прекрасной Дамы на устах. И последним видением его всегда был ее образ, в белом платье с розовым цветком в тонких руках.

Перелом в отношениях Анны и Антона наступил спустя две недели их еженедельных семинаров. Аудитория была занята в тот день, и Анна предложила позаниматься у нее дома.

Сердце Антона бешено колотилось, когда она пересекали границу ее квартиры, ее прибежища. Здесь все было наполнено ею. Каждая деталь со вкусом обставленного жилища, легкий аромат ее духов, ее вещи на вешалке в прихожей, ее книги. У Антона кружилась голова.

Анна попросила меня приготовить чай. Впервые она попросила меня сделать что-то для нее. В сладкой истоме я доставал чашки, заваривал чай, вносил поднос в комнату. Мы сидели на диване и беседовали о параллелях идеи служения в восточной философии. Кажется, обсуждали Путь самурая как образец самоотвержения. По идее Анны, в основе любой самоотверженности мужчины лежит жажда быть поглощенным женской частью его души, Анимой. Осознаваемое или неосознаваемое влечение к Аниме определяет самоотверженный маскулинный образ поведения as it is. Я слушал, замороженный. Она рисовала схему самоотверженного модуса в блокноте. Ручка упала на пол и ее ног, и я бросился ее поднимать. Когда поднимал, она шевельнула ножкой, и на секунду мои грубы соприкоснулись с ее пальчиком. Я задержал это прикосновение на секунду дольше и нежно поцеловал ее пальчик. Анна ничего не сказала, но по лицу ее ясно разливался румянец удовольствия. Мы продолжили, как ни в чем не бывало.

С этой памятной встречи мы стали все чаще под тем или иным предлогом встречаться у нее на квартире. Наша тонкая игра повторялась. Каждый раз Анна давала мне какие-то поручения, я заметил, что она с удовольствием наблюдала, как я их исполнял. А после исполнения невинных бытовых поручений я получал маленькое поощрение – то она невзначай прикасалась ко мне на миг, то я как бы шутя, целовал пальчики ее ручки.

Я все больше свыкался с идеей служения Анне. Я узнавал о ней все больше. Анна была единственным ребенком, отец оставил их с матерью рано. Анна росла одаренной девочкой – фортепьяно, математика, языки – все давалось ей легко. В 23 года она уже защитила диссертацию по философии. Темой был Мишель Фуко. Защита прошла с блеском, ее работу перевели на английский и французский, она читала по ней цикл лекций в Сорбонне. Анна привыкла всего добиваться сама. Ни от кого не зависеть. Чтобы закончить образование, давала частные уроки – фортепьяно, немецкий, английский. Никого близко к себе не подпускала. Сейчас ей 27, и она выглядит совершенно самостоятельной. Совершенной.

Анна поглощала все мои мысли, и это была глубокая страсть. Влечение к ее мыслям, образу, личности, естественным образом переросло в сумасшедшее влечение к ее женственности. Меня преследовали эротические фантазии, и я сильно возбуждался от простой мысли о ней.

Однажды мы как обычно пришли к ней. Спустя некоторое время ей позвонили, и она вышла из квартиры на час, попросив меня подождать. Когда дверь за ней захлопнулась, я не мог сдерживаться и прошел к ней в спальню. Меня охватила сладкая истома, когда я осмелился приоткрыть ее шкаф. Тонкие платья, брючки, кофточки, все хранило ее едва уловимый аромат. Слушая сильное сердцебиение, дрожащими пальцами я открыл ящик с ее нижним бельем. Одна мысль о том, что эти красивые кружевные атласные кусочки ткани соприкасались с интимными частями ее тела, привела меня в сладкий шок. Сначала я разглядывал ее трусики и лифчики, потом стал перебирать. У меня была сумасшедшая эрекция, наверное, никогда такой не было. Я увлекся этим занятием, и когда обернулся спустя какое-то время, то увидел в дверях Анну.

Анна рассказывала потом, что, застукав меня в спальне, она испытала огромное возбуждение и одновременно желание меня наказать. Импульс наказать меня возбудил ее еще больше.

Она строго посмотрела на меня, с укоризной и разочарованием. Но глаза ее блеснули сумасшедшим огоньком, и она скомандовала «На колени». Я встал на колени. Кажется, я долго ползал в ее ногах, вымаливая прощение. Она с презрением называла меня дешевым фетишистом, свиньей, гадким мальчишкой. Каждое ее ругательство приносило мне радость и желание раствориться в ее желаниях. «Все что угодно, только прости меня». В тот день я чистил ей обувь, убирал в квартире, под ее присмотром. Наконец, в конце дня она попросила, наверное, в качестве награды, рассортировать свое белье и погрузить его в машинку. Она наблюдала за тем, как я делал это в диком возбуждении, заливалась краской и иногда внимательно поглядывала мне между ног, на вздыбленный бугорок члена.

Поздним вечером мы выпили по бокалу вина, и она сказала: «Теперь ты разоблачил свои либидозные импульсы. Само по себе это естественно. Но ты стоишь на распутье – либо поддаться их скотской форме и домогаться меня, как дешевой давалки, либо... Познать свою истинную природу. Превратить свои грубые мужские желания в благородное служение мне. Я допускаю, что это возможно». Я согласился служить ей.

Мы продолжали изучать разных мыслителей. Когда мы разбирали психоаналитические концепции, Анна поразила меня такой идеей: «Вся фрейдистская мифология – это последний форпост ущербной мужской сексуальности. Если подойти к теме без навязчивых культурных стереотипов, то пресловутая зависть к пенису – это социокультурный миф. Сексуальность мужчины груба и примитивна. Оргазм скоротечен и требует от организма восстановления после него. Женская сексуальность куда более разнообразна, глубока, эротические переживания женщины более тонкие, длительные, насыщенные. Они – венец творения природы. Не зависть к пенису на самом деле существует, а затаенная зависть мужчин к женской плодотворной сексуальности. В этом смысле мы, женщины, являемся высшим полом, а служение мужчины женщине биологически запрограммировано». И добавила: «У тебя есть удивительный шанс стать самим собой, ибо я принимаю твое служение. Ты приятен мне».

Между интеллектуальными занятиями мы играли во все более изощренные и разнообразные игры. Ей нравилось, после преданного и качественного выполнения мною многочисленных бытовых поручений, например, связать мне руки за спиной своими чулками, чтобы я своим ртом разул ее, снял с нее колготки и облизывал ее ножки, снизу доверху.

Долгое время она не подпускала меня в святая святых. Но однажды это произошло. Она назвала это Посвящением. Так и было.

К тому времени она освоилась в забавах с моим членом, Ее забавляло трогать его ступнями, тереть его своими маленькими ножками. Она стояла, как Богиня, а я лежал, полностью в ее власти. Вообще, растворение в ней, в ее воле, в ее желаниях – именно это было источником высшего блаженства наших свиданий. Именно это и ее привлекало ко мне. Что это было подлинным, не притворством в погоне за острыми ощущениями, а ярким и естественным переживанием – сдаться воле прекрасной, совершенной женщины. Она никогда не доводила меня до оргазма, оставляя сладостное поле незавершенности.

Так вот, в день посвящения она связала мои руки за спиной, встала надо мной и сначала медленно опустила на мое лицо. Эта телесная метафора моей покорности создала невероятное эротическое электричество в нашей паре. Мое лицо было зажато между ее нежными ножками, я выдыхал ей в теплые трусики. Она слегка ерзала на моем личике. Такая степень послушания ей явно была очень по вкусу. Я был поглощен ее ароматом и чувствовал

губами, за тонкой полоской шелковой ткани, влагу ее сокровенного места. Она неожиданно поднялась и спустила с себя трусики. Первый раз я увидел ее обнаженной и был поистине ослеплен. «Лиж!» приказала она, присев на корточки. «Не так, дурачок. Ну-ка, высунь язык лучше». Она стала сама тереться о мой язычок своими интимными частями. Было очень вкусно и блаженно приятно. Ей очень нравилось это. Она двигалась то медленно, то интенсивно, улыбалась, смеялась, постанывала. Несколько раз отстранялась, сжимая чуть бедра в блаженном стоне. Когда я лизал ее сзади, уже довольно умело проникая кончиком языка в нежный анус, она прикоснулась пальцами до моего члена и я впервые бурно кончил. Причем оргазм охватил все мое тело. Посвящение удалось.

Такой практикой она одаривала меня далеко не каждый день. Чаще она предпочитала посвящать меня в мир своей изысканной философии и наслаждалась выполнением бытовых поручений. Вообще, все происходило у нас по ее желанию. Я чувствовал себя ее любимым плюшевым мишкой, и эта роль меня очень устраивала.

Все закончилось через три месяца. Я пришел к ней домой, дверь в спальню была открыта. Она лежала на кровати под ним, и его ягодицы ритмично сокращались, когда он входил в нее глубже и глубже. Она дала досмотреть мне до конца. Когда он ушел, я ползал у ее ног, и наконец вымолил присутствие на ее свиданиях с ним. Обычно я подглядывал через щель двери, иногда он приглашал меня подходить поближе и обнажить свой член. Я видел, как она страстно отдавалась ему всякий раз. Он вел себя раскованно и грубовато. Но ей нравилось это. Иногда я достаивался чести полизать ее сразу после его ухода, чтобы усилить ощущения моей Прекрасной дамы.

Через две недели такой жизни втроем она сказала, чтобы я больше не приходил. Они с Крисом уезжают в Германию. Именно тогда я понял, что для меня все кончилось. Потом был прыжок и эта палата...